

XL ЛѢТЬ

артистической дѣятельности

В. В. САМОЙЛОВА.

1835—1875.

14-го января 1875 г. исполнится сорокъ лѣтъ со дня поступленія на сцену С.-Петербургскаго русскаго театра Василя Васильевича Самойлова.

Многимъ изъ любителей отечественнаго театра памятно торжество празднованія тридцатилѣтія службы артиста, котораго, по всей справедливости, можно назвать гордостью и украшеніемъ русской сцены. Въ послѣдующіе десять лѣтъ, художественнымъ исполненіемъ многихъ новыхъ ролей, созданиемъ почти изъ каждой роли живого типа, В. В. Самойловъ доказалъ, что талантъ, подобный его таланту, неистощимо разнообразный, многогранный—если можно такъ выразиться—не старѣетъ, неизмѣнно сохраняя свой блескъ и силу творчества.

Художественное поприще В. В. Самойлова, по прошествіи сорока лѣтъ, можно раздѣлить на два періода. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ артистъ шель тернистымъ путемъ, преодолевая преграды и затрудненія, на что требовалось не мало энергіи и силы воли. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, сценической артистъ былъ поставленъ въ условія, не столь благоприятныя, какъ нынѣ. Отъ произвола ближайшаго начальства зависило „дать ходъ“ бездарности, отодвигая истинный талантъ въ тѣнь, на послѣдній планъ Самое радушное сочувствіе публики къ ея любимцу не въ состояніи было извлечь его изъ окружающей толпы посредственностей и только вниманіе императора Николая Павловича, покровителя отечественнаго театра, спасло талантъ Самойлова отъ законсѣнія вслѣдствіе обидной холодности, а иногда и зложелательства театральной администраціи.

Дѣленіе труппы на „амплуа“ напоминало таблицу о рангахъ; роль, однажды назначенная актеру, почиталась его собственностью; допустить комику сыграть драматическую роль, или, наоборотъ, трагикѣ — роль комическую, почиталось нарушеніемъ законовъ искусства и посягательствомъ на права собственности. Понятно, что чѣмъ талантъ былъ разнообразнѣе, тѣмъ враждебнѣе относился къ нему закулисный міръ. Наконецъ, кому неизвѣстенъ взглядъ петербургскаго общества на артистовъ, четверть вѣка тому назадъ? В. В. Самойловъ, съ самаго начала своего подрища, принадлежалъ къ числу немногихъ избранныхъ, сценическихъ артистовъ, принятыхъ въ хорошемъ кругу; но эта любезность относилась болѣе къ офицерскому чину, который онъ смѣнилъ на званіе артиста. Подобныя отношенія общества къ сословію актеровъ, въ талантливѣйшихъ изъ нихъ, развивали чувства справедливаго негодованія, заставляя ихъ гордостью, даже заносчивостью, отвѣчать надменности и презрѣніемъ — высокомерію. Барство бывшихъ временъ, удостоивая актеровъ своею благосклонностью, не возвышало ихъ до себя, но снисходило до нихъ, требуя съ ихъ стороны нѣ котораго самоуниженія.

Чествуя въ лицѣ В. В. Самойлова представителя отечественной сцены; въ полной увѣренности, что имя его займетъ блестящую страницу въ исторіи русскаго театра въ ряду первоклассныхъ, знаменитыхъ артистовъ, позволяемъ себѣ сдѣлать краткій обзоръ его артистической дѣятельности съ указаніемъ на тѣ роли, въ которыхъ нашъ артистъ-художникъ имѣлъ возможность въ полномъ блескѣ выказать свой разнообразный талантъ.

I.

Съ 1834 по нынѣшній 1875 г. В. В. Самойловымъ исполнено до пятисотъ ролей въ водевиляхъ, комедіяхъ, операхъ, драмахъ и трагедіяхъ. Изъ этихъ ролей значительно большая часть принадлежитъ къ числу имъ созданныхъ.

5-го октября 1834 г. В. В. Самойловъ дебютировалъ партією Іосифа въ оперѣ Мегюля „Іосифъ Прекрасный“; въ январѣ слѣдующаго 1835 г. онъ поступилъ на службу, играя попеременно въ операхъ и водевиляхъ. Молодой, съ пріятною наружностью, отличающійся изящными манерами, онъ занялъ неблагодарное амплуа первыхъ любовниковъ, которымъ тогда почти нераздѣльно владѣлъ покойный Максимовъ; въ роляхъ комическихъ главенствовалъ Дюръ — достойный любовищецъ публики; П. И. Григорьевъ съ успѣхомъ игралъ свѣтскихъ лю-

дей и военных; Сосницкій—былъ въ полномъ блескѣ таланта, въ Мартыновѣ его наставникъ, П. А. Каратыгинъ, уже угадывалъ задатки громаднаго дарованія... Всѣ эти артисты, бывшіе воспитанники театральной школы, любимые публикою, переносовали въ новыхъ водевиляхъ, занимая роли, для нихъ написанныя; къ Самойлову, какъ къ новичку, авторы и переводчики относились съ понятнымъ недоверіемъ; публика, благоволя любимцамъ, еще не выказывала артисту своего сочувствія. Теноровыя партіи въ операхъ занимали тогда Леоновъ (Шарпантъ), Шемаевъ и Петръ Рамазановъ; съ ними чередовался В. В. Самойловъ. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ (1834—1837) имъ было сыграно только двадцать семь новыхъ ролей и въ этомъ числѣ—девять партій въ операхъ и опереткахъ (между прочими Максъ въ „Волшебномъ Стрѣльцѣ“). Не будемъ далеко отъ правды, если изъ ролей, особенно удачно сыгранныхъ Самойловымъ, назовемъ: Алинскаго (Хороша и дурна), Вецкаго (Жена кавалериста) и Саранскаго (Елена). Неподдѣльное чувство, прекрасное пѣніе куллетовъ, умѣнье съ достоинствомъ держаться на сценѣ обратили на молодого артиста вниманіе публики. Въ то же время онъ сблизился съ товарищами по службѣ; многіе изъ нихъ полюбили Самойлова за веселый нравъ и обходительность, которыми онъ тогда отличался. Этому не мало способствовали прізнанныя отношенія артистовъ оперныхъ и драматическихъ къ его отцу В. М. Самойлову, человѣку радушному, хлѣбосольному, умѣвшему ладить съ закулиснымъ міромъ и пользовавшимся уваженіемъ сослуживцевъ. Несчастная его кончина (11-го іюля 1838 г.)¹⁾ пробудила искреннее сочувствіе къ его семейству и въ артистахъ, и въ публикѣ. Последняя какъ-будто почтила въ его сынѣ преемника талантливаго отца и съ 1839 г. молодой Самойловъ уже могъ назваться любимцемъ публики. Съ кончиною Н. О. Дюра къ нему перешли нѣкоторыя роли изъ обширнаго репертуара покойнаго. Въ каждой изъ этихъ ролей Самойловъ явился самостоятельнымъ создателемъ новаго типа; вслѣдствіе этого не могло быть сравненій между новымъ исполнителемъ и артистомъ, уже сошедшимъ съ своего поприща, но еще жившимъ въ памяти публики. Въ роли Эдуарда (водевиль: Артистъ) Дюръ былъ неподражаемъ: въ этой роли его преемникъ, Самойловъ, былъ въ своемъ родѣ, превосходенъ, какъ въ одной изъ первыхъ ролей съ перерожденіями, въ которыхъ Василій Васильевичъ достигъ совершенства. Талантливый рисовальщикъ, острый карикатуристъ, наблюдательный

¹⁾ Онъ утонулъ близъ Сергіевской пустыни во время страшнаго урагана, разразившагося надъ Финскимъ заливомъ, въ день особаго праздника въ Петергофѣ, по случаю бракосочетанія Великой Княгини Маріи Николаевны.

Самойловъ почти не имѣлъ и не имѣеть соперниковъ въ искусствѣ гримироваться; никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, поразительно вѣрно изобразить типы: поляка, нѣмца, англичанина, чухонца, итальянца, грека, татарина, еврея и т. д. Подмѣтивъ это драгоцѣнное свойство таланта Самойлова, тогдашніе водевилисты (П. И. Григорьевъ, Н. А. Коровкинъ, П. С. Федоровъ, Ф. А. Кони, Н. И. Куликовъ, Д. Т. Ленскій, Н. А. Некрасовъ и др.) принялись писать и переводить пьесы съ ролями, исключительно принаровленными въ прекрасной его способности. Почти всѣ эти водевили, замѣтимъ, были такъ связаны вынесены Самойловымъ на плачахъ; имѣли успѣхъ, благодаря его неподобной игрѣ (Двѣ станціи; Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ; Хочу быть актрисой; Актеръ; Комедія съ дядюшкой; Нашествіе иноплемениныхъ; Бѣда отъ сердца и т. д.).

Мѣнять свой огромный талантъ на мелочь, пришло Самойлову лѣтъ десять (1838—1848) въ періодъ наводненія александринской сцены водевилями-оригинальными и переводными, изъ которыхъ, за исключеніемъ пьесъ П. А. Каратыгина, Ленскаго и нѣкоторыхъ, Григорьева — большая часть фабриковалась для Мартынова, Максимова или Самойлова. Между тѣмъ талантъ послѣдняго мужалъ, созрѣвалъ; ему прискучили передѣлки съ французскаго, тяжелы были фарсы, въ которыхъ приходилось играть даже роли старухъ; однакоже и при тогдашнемъ театральномъ репертуарѣ судьба послала на его долю нѣсколько ролей, достойныхъ его таланта. Почти всѣ онѣ памятны любителямъ театра. Въ роли гуляки студента (Ломоносовъ, Полеваго) Самойловъ затмилъ Максимова, особенно въ предпоследнемъ актѣ, въ которомъ студентъ, тридцать лѣтъ тому назадъ поступившій въ солдаты за своего товарища, является заслуженнымъ генераломъ. Въ драмѣ: Наслѣдство онъ создалъ роль ростовщика „Водрильяна“, въ Брачномъ Свидѣтельствѣ (Nacht und Morgen) былъ безукоризненно хорошъ въ роли Гавтрея; въ мелодрамѣ Вѣчный Жидъ былъ настоящимъ „Роденомъ“; въ Монте-Кристо — „Андреа Кавальеанти“ и т. д. Всѣ эти роли, въ исполненіи ихъ Самойловымъ, были живыми типами; при этомъ, что-бы вполнѣ понять трудности, которыя приходилось преодолевать артисту при исполненіи этихъ ролей, необходимо вспомнить, что французскіе драматурги, коверкая исторію, влагаютъ въ уста личностей историческихъ нелѣпости и риторическую мишуру собственного издѣлія, заставляють ихъ нести высокопарную дичь, которую бѣдный сценическій художникъ обязанъ задалбливать отъ доски до доски. Таковъ Ришелье въ плохой мелодрамѣ Серафима Лафайль... Что создать изъ этой роли талантливому Самойлову, кромѣ внѣшно-

сти? А между тѣмъ, при исполненіи имъ этой роли, театръ гремитъ отъ рукоплесканій.

Къ исходу сороковыхъ годовъ наша сцена нѣсколько поосвободилась отъ переводныхъ бульварныхъ мелодрамъ. Еще въ декабрѣ 1845 года, въ роли Юродиваго (Смерть Ляпунова), Самойловъ явился артистомъ самобытнымъ, создавъ изъ нея типъ — намъ родной. За этой ролью слѣдовали типы: старика Пузыречкина (Отставной театральнй музыкантъ); Пехтерьева (Завтракъ у Предводителя); графа Любина (Провинціалка); Чаркина (Богатая старушка); Тимоея Леонтьевича (Деньщикъ); Ицки (Марьянтантъ); Любима Торцова (Бѣдность не порокъ); Агаѳона (Не такъ живи, какъ хочется); Иванова (Въ чужомъ пиру похмѣлье); Кречинскаго (Свадьба Кречинскаго); Кузовкина (Однодворецъ); Станціоннаго Смотрителя (Станціонный Смотритель); Ивана Миронича (Легкая надбавка); Архипа (Грѣхъ да бѣда); Бурцова (Пасынокъ); Петра (Не такъ живи, какъ хочется); Дорси (Гуверперъ); Кременчугова (Свѣтъ и его тѣни); Шалыгина (Воевода); Тарабаева (Паутина); Имшина (Самоуправцы); Ладупкина (Говоруны); Васанинъ-Васанскаго (Пробный камень); Ростаконскаго (Ревизоръ); Оомы Оомича (Семейныя тайны); роль въ пьесѣ: Шутники — (соч. Островскаго) Фрола Скабѣева (Фроль Скабѣевъ); Ополъева (Старый баринъ); Ястребова (Ангель доброты и невинности); Шмерца (Мужья одолѣли); Труханскаго (Закинутыя тенета); Балавина (Роговой шагъ); Графа Говорлина (Говорлинъ); Берестова (Старое старится) и мног. другія.

Перечень далеко не полный, такъ какъ изъ всѣхъ ролей, сыгранныхъ Самойловымъ, въ особенности въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, каждая была его торжествомъ. Но отъ группы ролей характерныхъ, типичныхъ, мы перейдемъ къ ролямъ историческимъ, и, во-первыхъ, къ тѣмъ, въ которыхъ В. В. Самойловъ воскресилъ русскихъ дѣятелей былыхъ временъ. Располагаемъ ихъ не въ хронологическомъ порядкѣ, въ смыслѣ историческомъ, но только въ послѣдовательности обширнаго репертуара нашего артиста: Третьяковскій (Русскій Фаустъ); Кулибинъ (Кулибинъ); Костровъ, (Ермилъ Костровъ); Сусанинъ (Костромскіе лѣса); Дмитревскій (13 января 1807 года); Сумароковъ (30 августа 1756 г.); Дмитрій Самозванецъ (Дмитрій Самозванецъ — Чаева и Борисъ Годуновъ — Пупкина); Иванъ Грозный (Василиса Мелентьева: Островскаго; Князь Серебряный, Смерть Юанна Грознаго — графа А. К. Толстаго); Волынскій (Ледяной домъ). Изъ историческихъ личностей иностранныхъ Самойловъ олицетворилъ неподражаемо: Ришелье (Ришелье);

Кромвеля (Смерть Кромвеля); Нерона (Неронъ); Людовика XI (Заколдованный домъ).¹⁾

Репертуаръ ролей В. В. Самойлова въ трагедіяхъ Шекспира ограничивается тремя ролями: Лиръ (1859); Шейлоуъ (1860); Гамлетъ (1863). Не вдаваясь въ разборъ игры В. В. Самойлова въ роли короля Лира, замѣтимъ только, что онъ выступилъ въ ней на состязаніе съ сильнымъ соперникомъ. Зимой 1858—1859 годовъ, въ Петербургъ прибылъ прославленный въ Европѣ африканскій трагикъ Айра Ольдридждъ,²⁾ негръ, талантъ-самородокъ, созданный, такъ сказать, для роли Отелло, въ которой былъ совершенствомъ.

Блестящій успѣхъ Айра въ этой роли на всѣхъ европейскихъ театрахъ побудилъ африканца заняться изученіемъ и прочихъ типовъ созданныхъ Шекспиромъ. „Отелло“ преобразился въ „Шейлока“ и „Лира“; темно-оливковый обликъ мавра, скрытый подъ слоемъ бѣлизны, напоминалъ зрителямъ триумфальную роль Айры и его осмысли рукоплесканіями, снисходя къ недостаткамъ исполненія. Существеннѣйшимъ изъ нихъ была именно наружность негра и невозможность мимики на лицѣ, покрытомъ чуть не маскою. Но какъ европейскіе критики, такъ разумѣется и наша публика, очарованные игрою „Отелло“, были черезъ чуръ снисходительны къ „Лиру“.

Эта роль созрѣла въ артистической душѣ Самойлова, онъ взлелѣялъ ее въ своемъ сердцѣ и рѣшился сыграть короля „Лира“ въ бытность Айры Ольдриджда въ Петербургѣ. То было благородное состязаніе русскаго артиста съ европейскою знаменитостью—и Самойловъ вышелъ побѣдителемъ. Уступая въ этой роли русскому артисту-сопернику, Айра Ольдридждъ, сознавая себя побѣжденнымъ, выказалъ себя, какъ человѣкъ, вполне благороднымъ и достойнымъ соперникомъ Самойлова. На другой же день представленія „Короля Лира“, въ которомъ онъ видѣлъ Самойлова, Айра Ольдридждъ написалъ ему слѣдующее письмо, прилагаемое нами въ переводѣ вмѣстѣ съ подлинникомъ:³⁾

¹⁾ Между многими авторитетными отзывами объ артистической дѣятельности В. В. Самойлова особенно интересны отзывы В. Г. Бѣлинскаго, отдававшего полную справедливость дарованію этого артиста. Ред.

²⁾ Онъ умеръ, немного лѣтъ тому назадъ, въ бѣдности, въ Кіевѣ. Разборъ его художественной игры въ одной незначительной комедіи превосходно составленъ графомъ Ѳ. П. Толстымъ и напечатанъ въ «Русской Старинѣ». (См. изд. 1873 г., томъ VII, стр. 135—136). Ред.

³⁾ Еще въ 1870 году, въ первый годъ нашего изданія, мы обращались къ В. В. Самойлову съ просьбою ознакомиться съ его архивомъ. Василій Васильевичъ съ радушіемъ исполнилъ нашу просьбу и мы тогда же сняли копии съ разныхъ писемъ, стиховъ и съ отрывковъ изъ записокъ артиста... Это собраніе бумагъ невелико, такъ какъ, къ сожалѣнію, В. В. Самойловъ не берегъ

Hôtel de-Paris. Суббота утромъ.

„Мой дорогой сэръ и другъ! Я счелъ бы себя не довольно вѣжливымъ, если бы не посѣщилъ выразить мой восторгъ по поводу вашего вѣрнаго, художественнаго представленія стараго короля. Ваша игра доставила мнѣ великое удовольствіе. Многія мѣста, которыя были для меня нѣсколько темны, вы окончательно разъяснили; относительно другихъ, вашъ великій талантъ утвердилъ меня въ моемъ собственномъ, прежде усвоенномъ пониманіи ихъ. Живите долго, что-бы украшать искусство, котораго вы служите такимъ блистательнымъ представителемъ; вотъ истинное желаніе африканскаго трагика, истинно преданнаго вамъ Айра Олдриджа“.¹⁾

II.

Если соперникъ отдавалъ нашему артисту должную справедливость, то публика, само-собою, не могла безучастно отнестись къ успѣху Самойлова. Кромѣ букетовъ и вѣнковъ, которыми осыпали русскаго артиста, ему было прислано нѣсколько писемъ отъ зрителей съ выраженіемъ восторга и признательности за поддержку „славы русскаго искусства...“ „Вы не побоялись г-на Олдриджа“,—писалъ В. В. Самойлову одинъ изъ многочисленныхъ его почитателей, совершенно ему незнакомый — „и смѣло ступили твердою ногою на трудное исполненіе. Ожиданія публики сбылись, и она вчера (8 декабря 1858 г.) именно ликовала за васъ, нашего гражданина, нашего роднаго трагика. Заранѣе многіе говорили, что вы не возьмете на себя роли не обдумавши; не приметесь за дѣло не свое, и мы вчера въ томъ убѣдились. Вы истинно пожали лавры на трудномъ поприщѣ и отъ души васъ поздравляю, нашъ русскій Гаррикъ, съ новою славою, покрывшею васъ вчера...“

переписки, и если кое что уцѣлѣло, то совершенно случайно. Въ настоящей статьѣ мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя изъ копій, снятыхъ съ этихъ бумагъ, прося извиненія у В. В. Самойлова въ нашей нескромности: его дѣятельность, какъ артиста, есть достояніе высоко-почитающаго его талантъ—русскаго общества.

Ред.

¹⁾ «Hôtel de Paris. Saturday Morning. My dear Sir and friend. I should deem myself depicient in respect did et delay endeavsuring to express my admiration for your thruthful, and artistic sedesing of the Old King wich is wittnessed with so much pleasure. Many passages that were to me somewhat obscure you decided, and in others your great talent confirmed me in my own, previously adopted conception; mau you long livé to adorn that profession of wich you are so distinguished an ornament is the sincere wish of your truly Jra Aldregde African Tragedian».

В. В. Самойлову.

Съ тобой Самойловъ несравненный
 Всѣ эти дни живу душой,
 И жду побѣды несомнѣнной
 И лавръ вѣнчающихъ твой бой.

Ты цѣлый день передо мною
 Съ твоимъ восторженнымъ лицомъ,
 Съ твоей трепещущей слезою
 И дивнымъ творчества огнемъ.

Нѣтъ, за тебя нельзя бояться
 И въ ратоборствѣ трепетать;
 Кто за тебя могъ опасаться
 Тебя не можетъ сознать.

Нѣтъ, не уступить Лирѣ нашъ новый
 Чужому Лиру никогда,
 Тамъ, гдѣ душа игры основой,
 Побѣда вѣрная всегда.

Одинъ лишь споръ я допускаю
 Между натурой и тобой!...
 Другихъ соперниковъ не знаю,
 Нашъ Гаррикъ дивный и родной!

N. N.

Почти съ самаго начала своей службы на сценѣ, В. В. Самойловъ, приступая къ изученію новой роли, рисовалъ акварелью задуманный типъ и такимъ образомъ въ теченіе сорока лѣтъ составилъ чрезвычайно любопытный альбомъ акварелей—нѣсколько томовъ. Въ немъ, между прочимъ, мы нашли стихотворенія нѣкоторыхъ изъ нашихъ отечественныхъ писателей, въ томъ числѣ графини Е. П. Ростопчиной и Д. Т. Ленскаго. Приводимъ ихъ стихотворенія:

Смотрю на бѣгле листы,
 На эти всѣ изображенья,
 Гдѣ живо видно проявленье
 Артиста творческой мечты:
 Какъ много типовъ разнородныхъ,
 Смѣшныхъ, печальныхъ, важныхъ лицъ,
 Фантазій, фарсовъ, небылицъ,
 И идеаловъ благородныхъ!...
 Гдѣ простофили глупый смѣхъ,—
 Гдѣ злой провін улыбка,—
 Здѣсь заблужденье или ошибка,
 Тамъ хитрость, и порокъ, и грѣхъ...
 Уже-ли мысль одна и та-же

Ихъ поняла, ихъ создала,
 И, средь толпы, всегда на стражѣ,
 Ихъ пестрый рядъ подстерегла?...
 И всѣ живутъ! И всѣ трепещутъ
 Своею истинной для насъ!
 Всѣ яркой краской рѣзко блещутъ
 Одинъ другому на показъ.
 Хвала, художникъ и мыслитель,
 Хвала тебѣ за дивный трудъ!
 Твои созданья не умрутъ.
 Имъ человечество цѣнителъ
 Въ нихъ вѣрно схваченъ человекъ,
 Въ нихъ отразился свѣтъ и вѣкъ.
 Протей,—ты жизнью многосложной,
 Многостороннею живешь;
 Сегодня—старецъ осторожный,
 А завтра—юноша тревожный,
 Ты самъ себя возсоздаешь!

Москва, 20-го мая 1852 г.

Графиня Евдокія Ростопчина.

Остроумный Д. Т. Ленскій по достоинству цѣнилъ талантъ Самойлова. Вотъ что написалъ Ленскій въ помянутомъ выше альбомѣ артиста:

Здѣсь вижу я наследника артиста,
 Который всей семьѣ талантъ свой завѣщалъ...
 Какъ на Руси у насъ молва ни голосиста,
 Но все отецъ и сынъ награду себѣ не зналъ!
 А ежели когда, кому-нибудь другому,
 Не русскому, покажутъ сей альбомъ,
 Увидеть, можетъ быть, по этому альбому,
 Чѣмъ былъ отецъ и сынъ въ отечествѣ своемъ!
 Отецъ и сынъ — въ душѣ артисты оба;
 Но все-таки отецъ скончался въ свой чередъ,
 А сынъ и за дверями гроба
 Въ альбомѣ этомъ не умереть!

Москва, 30-го апрѣля 1852 г.

Ленскій.

Вотъ еще два стихотворенія даровитаго Ленскаго, написанныя имъ экспромтомъ, подъ живѣйшимъ впечатлѣніемъ игры Самойлова:

В. В. Самойлову.

(въ пьесѣ «Старички»).

Художникъ истинный! что сдѣлалъ ты со мною?...
 Ты усладилъ меня—и вмѣстѣ огорчилъ:

Вчерашній день твоей естественной игрою
Ты мнѣ на сценѣ быть формально запретишь.

Д. Ленскій.

(въ пьесѣ «Ермилъ Костровъ»).

Еще одинъ листокъ
Въ побѣдный твой вѣнокъ
Ты, милый Гаррикъ, вплелъ: —
Костровъ не умиралъ, —
Былъ пьянъ, полъ вѣка спалъ, —
Проснулся — къ намъ пришелъ.
Предъ зрителемъ вертится
И духъ его и языкъ!
Ну какъ не убѣдиться,
Что Гаррикъ нашъ великъ!

Ленскій.

Игра В. В. Самойлова, обаятельно дѣйствуя на зрителей, вдохновляла многихъ изъ нихъ и они стихами выражали свой восторгъ геніальному артисту. Нѣкоторые стихотворенія (на русскомъ и на французскомъ языкахъ) написаны были дамами. Перебирая стихотворенія и письма, въ разное время полученные В. В. Самойловымъ отъ публики, мы остановились на слѣдующемъ, вполне проникнутомъ чувствомъ. Оно поднесено В. В. Самойлову 25-го октября 1874 г., при выходѣ его на сцену послѣ болѣзни, въ драмѣ „Роковой шагъ“:

Привѣтъ тебѣ, художникъ вдохновенный;
Привѣтъ тебѣ, любимецъ дорогой!
Божественнымъ лучемъ, какъ геній, озаренный,
Ты — украшенье музъ страны родной!

Я не поэтъ, моя безгласна лира,
Что-бы воспѣть искусства идеаль,
Не мнѣ воспѣть любимаго кумира
Кому восторгъ толпы лишь пьедесталь!

И что тебѣ призывъ, рукописканья?
Мольеръ и Кинъ, Шекспиръ... все, все въ тебѣ;
Ты полонъ весь высокаго сознанья,
Съ печатью дара славы на челѣ!

Что для тебя, что въ душу тм вливаешь
Нѣчто отрадное и теплое порой;
То веселишь, то слезы извлекаешь
Художника искусною игрой!

Но подари мой скромный стихъ вниманьемъ,
Восторга частаго дай высказать привѣтъ,
Наутствовать тебя позволь желаньемъ:
«Да здравствуетъ Самойловъ много лѣтъ!»

Поклонница вашего таланта N. N.

Кромѣ привѣтствій въ стихахъ, было множество привѣтовъ въ прозѣ, въ формѣ писемъ. Приводимъ на выдержку слѣдующее:

«Почтеннѣйшій г. Самойловъ! Давно уже мнѣ не случилось быть въ русскомъ театрѣ. Опера, такъ какъ я большой аматеръ пѣнія, влекла меня почти каждый день въ Большой театръ, но вчера, т. е. въ среду 28-го декабря, я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на Михайловскомъ театрѣ въ роли «Станціоннаго зрителя», которую вы такъ неподражаемо-хорошо исполнили, что я еще сегодня не могу вытѣснить впечатлѣнія, произведенное вами вчера на меня. Душа моя плакала и безсонница тревожила меня всю ночь. Я видѣлъ много печальныхъ пьесъ, но никогда не былъ тронутъ такъ до глубины души, какъ вчера! Это ваша очаровательная игра! Я воспользуюсь краткимъ временемъ, которое мнѣ еще остается проводить здѣсь, въ Петербургѣ, что-бы по чаще видѣсь васъ, г. Самойловъ». Гр. Н. Н.

Таковы отношенія публики къ ея любимцу. Не менѣе справедливо къ нему большинство авторовъ пьесъ, успѣхъ которыхъ нерѣдко зависитъ отъ его участія. Позволяемъ себѣ привести слѣдующее письмо даровитаго писателя, пьеса котораго, обладая несомнѣнными, самостоятельными достоинствами, блестящимъ и многолѣтнимъ своимъ успѣхомъ много обязана Самойлову:

«Милостивый государь Василій Васильевичъ!..... Хотя и поздно, но я хочу повторить вамъ мою признательность и мое глубокое сочувствіе къ вашему свободному и творческому таланту. «Кречинскій» явился въ васъ не только типомъ, а живую конкретную личность, къ которой вы, какъ самостоятельный артистъ, имѣли полное право придать всякія дифференціальныя особенности выговора, костюма, позъ, движеній и прочаго — это ваша воля и ваша свобода, и потому пусть упрекаютъ васъ за польскій акцентъ другіе — а не я.... Примите, Василій Васильевичъ, мой кубокъ на добрую память о томъ днѣ, когда явился предо мною «Кречинскій» въ плоти и крови; если день этотъ будетъ памятенъ для русской сцены, то вышейте его до дна за будущность искусства на Руси и да здравствуетъ все прекрасное! Жму вашу руку и остаюсь навсегда вамъ душено-преданный Александръ Сухово-Кобылинъ. Москва, 27-го августа 1856 года».

Въ заключеніе настоящей статьи помещаемъ на страницахъ „Русской Старины“ нѣсколько страницъ изъ „Воспоминаній“ В. В. Самойлова; этотъ отрывокъ переноситъ насъ, за сорокъ лѣтъ назадъ, къ началу художественной дѣятельности высоко даровитаго артиста русскаго петербургскаго театра.

Ред

